

ГЛАВА 1

Афганистан. Февраль 1983 года

— Шарыгин, сколько банок тушенки во взводе осталось?

— Штук двадцать, товарищ лейтенант. Опухнем от голода.

— Ты, Шарыгин, скорее ото сна опухнешь, чем от голода. Пообедаем в дороге, а ужинать будем уже дома. Две банки на трех человек. Сможешь поделить?

— Обижаете, товарищ лейтенант. Я вообще могу свою пайку молодым отдать. Кстати, у нас еще один едок объявился. В наш бэтээр девушку посадили.

— Какую девушку? — не понял Нестеров.

— Ее привел капитан Воблин. Говорят, что до госпиталя поедет с нами. По-моему, это медсестра с заставы.

— Почему к нам? — пожал плечами лейтенант. — У нас что, самая просторная машина?

Сержант, постукивая пыльным ботинком по колесу бэтэера, ответил:

— У нас самая безопасная. Так командование считает.

— Так считают те, кто мало бывал под обстрелом. Когда колонна нарывается на засаду, то самое безопасное место где?

— В голове, — неуверенно предположил сержант.

— Нет!

— В середине?

— Мимо!

— В хвосте? — уж совсем растерянно произнес сержант.

— В Сочи, на пляже! — ответил Нестеров.

День выдался морозным, под ногами певуче поскрипывал снег. Пританцовывая от холода, Нестеров зашагал вдоль машин батальона, который в течение недели сопровождал колонну «КамАЗов» с боеприпасами и провиантом для «точек» и наконец возвращался на базу.

На броне боевой машины пехоты, сучая, сидел командир второго взвода старший лейтенант Ашот Вартанян. Его плохо выбритое лицо выражало беспредельную тоску и усталость.

— Саня! — позвал он Нестерова, спрыгнул на снег и взял его за рукав бушлата. — Н-не ходи на свой б-бэтээр. Тебе Воблин каблуки п-повырывает, не снимая ботинок.

Говорил Ашот плохо, заикаясь до такой степени, что нужно было напрягать слух, мучительно ожидать, когда он закончит начатую фразу.

— Ты разве не знаешь, — продолжал Вартанян, — что он затаился там с бабой? Рискуешь нарваться на неприятность...

Едва поспевая, Ашот плелся за Нестеровым. На бронетранспортер он полез первым, взбирался долго и неловко, гремел сапогами по жалюзи трансмиссии, потом опустил голову в люк и негромко сказал:

— З-здравия желаю!

Он тут же выпрямился, посмотрел на Нестерова и закатил глаза вверх, дескать, зря мы сюда приперлись. Нестеров тоже заглянул вовнутрь. На командирском сиденье, в бушлате с капитанскими погонами, сидела девушка. Рядом с ней, под пулеметом, — начальник штаба батальона капитан Воблин, замещающий уже неделю комбата. Оба молчали. Девушка, казалось, сильно замерзла, отчего подняла плечи, сжалась в комок. Капитан выжидающе смотрел на Нестерова. Затем негромко спросил:

— Я не мешаю тебе, Нестеров? И долго ты собираешься висеть вниз головой?

Девушка тоже подняла глаза и улыбнулась.

— Да я, собственно, высморкаться в люк хотел. А тут вы, оказывается, — процедил Нестеров и выпрямился.

Сразу же за ним в люке показался Воблин. Несмотря на свою невысокую округлую фигуру, он пружинисто выпрыгнул на броню и соскочил на землю.

— За девушку отвечаешь головой, Нестеров, — сказал он. — Создать ей уют и комфорт. Она едет с нами.

Воблин зачем-то подмигнул и быстро заша-

гал вдоль колонны, ежеминутно вскидывая руку вверх и глядя на часы. Привал у маленького придорожного гарнизона затянулся. Ждали тягач, прозванный в просторечье «таблеткой», который нужно было перегнать в ремонт. За морозную ночь «таблетка» намертво вмерзла гусеницами в мятый и еще вчера податливый грунт. Офицеры и солдаты стояли у машин, курили, смеялись, матерились, размахивали руками, чтобы согреться. Смуглый, широкоплечий командир отделения сержант Владимир Шарыгин, не расставаясь со своим автоматом, ровненько выставил ножку в начищенном до блеска сапоге и о чем-то тихо рассказывал солдатам. Те, слушая его, время от времени хохотали. За спинами товарищей тенью, невидимый и неслышимый, стоял белесый восемнадцатилетний водитель Жора Бенкеч, вчерашний пэтэушник, робкий, закомплексованный, с неизменно грязными ладонями. Всякий раз Нестеров, разговаривая с солдатом, мучился оттого, что мучился этот затурканный «дедами» мальчик, не знающий, куда ему деть руки, когда к нему обращались с вопросом. Лопухо накинутая на его голову ушанка, торчащий из-под бронежилета легкомысленный зеленый свитер с цветочками, съехавший к низу живота ремень, широченное галифе с жирными пятнами бензина и смазки — все это вызывало у Нестерова легкое, чуть пренебрежительное чувство жалости к солдату. Пулеметчик Коля Карицкий, не по годам плешивый, с черным от пы-

ли и соленой гари лицом и широкой, как рубленая рана, улыбкой, слушал сержанта, глядя на него восторженным взглядом.

Лязгая гусеницами, «таблетка» наконец замкнула колонну, и сразу же раздалась команда «По машинам!». В одно мгновение все вокруг ожило, забегали солдаты, старшие машин надели шлемофоны, забросив шапки в утробы боевых машин; белый дым выхлопов поднимался над колонной, и казалось, какое-то невидимое препятствие едва сдерживает натиск боевой колонны.

Нестеров удобнее сел на броне и коснулся сапогами плеч водителя Бенкеча, словно хотел удостовериться, что тот на месте и готов к работе. Вспомнив о пассажирке, Нестеров нагнулся над люком, девушка сидела без движения и словно вжалась в крохотное сиденье. «Это, конечно, не такси», — с едкой иронией подумал он и тронул девушку за плечо:

— Шлемофон хотите?

— Зачем?

— Теплее будет и ушам спокойнее.

Она отрицательно покачала головой и, как о простых, обычных вещах, спросила:

— Как вы думаете, под Багланом по нам стрелять будут?

«Если бы я знал!» — подумал Нестеров и поморщился. Он привык отвечать головой за свой взвод и технику. Но как можно отвечать за девушку, место которой — в госпитальных пала-

тах, в операционной, в перевязочной или процедурной, но уж никак не в боевой машине!

Шарыгин сел рядом с Нестеровым, сдвинул шапку на затылок, передернул затвор автомата и сунул в зубы сигарету. Холодный ветер трепал его темный чуб, колотил воротник бушлата, но сержант, казалось, не замечал этого и несколько раз безрезультатно чиркнул спичкой.

Маленький гарнизон остался за спиной, и по обе стороны разбитой, усеянной воронками дороги потянулись припорошенные грязным снегом поля, горы, пустые и немые, полого изгибающиеся, словно застывшее штормящее море. Иногда по пути встречались похожие на памятники, установленные на вершинах сопкок боевые машины охранения. С проездом колонны мимо они давали одиночный залп неведь куда, словно салютовали своим железным собратьям.

Нестеров, сидя на броне, постепенно уходил в дремоту и, порой оглядываясь по сторонам, не мог сразу разобраться — наяву ли эти горы, этот ветер в лицо и осторожный, звериный ход колонны, эти застывшие на броне фигурки людей с оружием и в бронежилетах, и смуглые лица солдат, которые с нефальшивой бдительностью оглядывали развалины дувалов, и молчаливая девушка в бушлате не по размеру, с офицерскими погонами на плечах, вросшая в карликовое сиденье между ящиками с цинками патронов.

За сопками потянулись убогие голые рошцы и отдельные деревья — обломанные и расще-

пленные стрельбой, с обгоревшими уродливыми ветвями, останки глинобитных стен, не похожие на творение человеческих рук. И все это ступень вывалось, размазывалось тихим туманом, нагнетало неопределенное чувство тревоги, смутной опасности, словно колонна ехала не по земле, а по далекой пустой планете.

Нестеров дернул головой, стряхивая с себя липкий сон. Сержант Шарыгин тоже выпрямился, поставил автомат между колен стволом вверх и стал напряженно всматриваться вперед. Оба они почувствовали, как постепенно нарастает скорость у бронетранспортера, и водитель Жора Бенкеч уже не объезжал глубокие рытвины в асфальте, а все сильнее давил на газ.

БТР выл, скрежетал коробкой передач, с силой ударяясь о края ям, выпрыгивая из них, как мяч.

И тут Нестеров понял, чем эта местность отличается от той, которую они проезжали раньше. Вокруг не было людей. Ни одного человека. Ни стариков на ослах, ни детей вдоль дороги, ни дехан в поле. Колонна ехала по полигону, мишенному полю, из которого заблаговременно вывели все живое, чтобы обрушить огонь только на тех, кому он был предназначен.

Отсоединив штекер шлемофона, Нестеров нырнул в люк и быстро потянул рукой рычаг, закрывающий окошко бронированной шторкой. Девушка удивленно посмотрела на него.

— Зачем?

— Гравий из-под колес, — первое, что пришло на ум, сказал Нестеров и попытался улыбнуться. Девушка тоже улыбнулась — даже насмешливо.

Нестеров не ошибся.

Где-то рядом оглушительно хлопнул выстрел. Нестеров инстинктивно пригнулся, и сержант, словно тень, проделал то же самое.

— Товарищ лейтенант, откуда стреляли? — с каким-то будничным интересом спросил Шарыгин, вращая головой в разные стороны.

— Карицкий! — крикнул Нестеров. — К пулемету!

Сержант, должно быть, что-то опять спросил, но его слов Нестеров не расслышал. Резкой волной ворвалась в воздух стрельба, впереди идущие бронетранспортеры открыли огонь из пулеметов по рыжим, скрытым за деревьями дувалам.

Нестеров и Шарыгин нырнули по пояс в люки, в одно мгновение снимая автоматы с предохранителей. Фигура Шарыгина в черном бушлате мешала Нестерову удобно изготавиться; в скрученном положении он прильнул щекой к прикладу автомата, забыв даже снять солнцезащитные очки. Он увидел перед собой мелькающие развалины, серые пятна людей между ними и заслонившее все это черное окно прицельной мушки. Еще какое-то мгновение Нестеров пы-

тался прицелиться и резко нажал на спусковой крючок.

Звук своего выстрела он не услышал, лишь почувствовал, как содрогнулся внезапно оживший в его руках автомат и горло обжег знакомый запах пороховой гари.

Броня под грудью задрожала и, казалось, сама стала выделять из себя смертоносную энергию. В ту же секунду Нестеров щекой почувствовал жар огня пулемета. И звук его был настолько страшен своей колоссальной силой и мощностью, вынести его было так трудно, что Нестеров опустил голову на броню, чтобы перетерпеть огневой удар пулеметчика Карицкого.

Он вновь потянул спусковой крючок, еще сильнее вжимаясь в броню всем телом, но автомат недвижимо застыл в его руках, металлически клацнул ударник. «Как некстати», — подумал Нестеров, боясь потерять ставшие бесценными секунды, отстегнул связанные лентой магазины, перевернул полным вверх; нервничал, ударяя им об автомат, — никак не присоединялся.

И тут броня вздыбилась, закачалась и стала быстро подниматься в вертикальное положение. Бронетранспортер на полной скорости вылетел с дорожного полотна, сильно накренившись, съехал в кювет и, пробороздив еще несколько метров по земле и рыхлому снегу, замер, словно раненый зверь.

«Нас подбили? — лихорадочно подумал Нестеров. — Но почему не было слышно взрыва?»

Ему казалось, что бронетранспортер именно в это мгновение превращается в мишень, под которую кто-то медленно подводит обрез прицельного штырька. Он спрыгнул вслед за Шарыгиным вниз, поскользнулся на размытом грунте и тяжело упал рядом с машиной. Но тут же встал на ноги, выпрямился, стараясь разглядеть, откуда били по ним, и в ту же секунду услышал над головой знакомый свист. Не торопясь припасть к земле, Нестеров стоял на одном колене и рассматривал развалины дувалов. Бенкеч тоже приподнялся, встал на колени, но тут же поскользнулся на мокрой наледи и упал, с размаху ударив автоматом о землю.

Словно из открытой дверцы раскаленной печи дохнуло жаром, и автоматную трескотню прорезал какой-то дребезжащий, не похожий ни на что земное рев. Бледно-красный шлейф мелькнул перед глазами Нестерова лишь на долю секунды, как раз в том месте, где только что стоял Бенкеч. Потом рядом за их спинами ухнул взрыв.

«Граната! — догадался Нестеров, моментально припадая к земле и чувствуя, как напряжение сковывает его тело. — Сейчас по бронетранспортеру выстрелят во второй раз и уже не промахнутся.

— Карицкий! — крикнул Нестеров. — Девушка где? Она все еще внутри?!

Солдат, прижавшись щекой к прикладу автомата, стрелял. Нестеров не стал повторять вопрос, поднялся на ноги и рванулся к бронетранспортеру.

«Какого черта... — думал он. — Почему она все еще там?»

Он уже поднял ногу, чтобы встать на диск колеса, как его сильно оттолкнул в сторону Шарыгин.

— Назад! — крикнул он Нестерову.

Нестеров машинально подчинился, присел, глядя, как сержант ползет по броне к люку. Потом, опомнившись, бросился к дороге.

— Прикройте Шарыгина!

Через минуту из бокового люка выпрыгнула на землю девушка, а следом за ней — Шарыгин. Нестеров лишь на секунду обернулся, но не увидел лица медсестры.

И тут сзади раздался крик солдата Алимова:

— Со спины бьют! Окружили!

Бенкеч вскочил на ноги, рванулся к кустам, плюхнулся всем телом прямо в ручей и там, в грязи, прижался щекой к прикладу автомата.

— И слева бородатые! Смотрите, слева! Слева! Вон, вон!

Шарыгин ползком поднимался по склону кювета и махал рукой.

Впервые за время обстрела Нестеров увидел их отчетливо. Метрах в ста от бронетранспорте-

ра два человека в темных пиджаках, чалмах и с оружием в руках, пригибаясь, быстро бежали через дорогу.

— Товарищ лейтенант, я сам... — задыхаясь, произнес Шарыгин, метнулся по дну кювета туда, где должно было сомкнуться кольцо бородастых, упал у кустов и прижал к щеке приклад. Один из «духов» сразу же осел на землю, а второй, прыгнув под откос, покатился в укрытие. Шарыгин перестал стрелять, вжался лицом в снег.

Нестеров почувствовал, как у него в висках заколотилась кровь от напряжения. Он перевернулся на спину и посмотрел назад. Девушка лежала у колес бронетранспортера и пыталась зарядить пустой магазин. Рядом с ней — разорванная пачка с патронами. Карицкий замер у самой дороги и стрелял по дувалам. Бенкеч все еще лежал в ручье и вздрагивал после каждой очереди. Вокруг него медленно втягивались в грязь раскиданные пустые и полные магазины. Наконец солдат повернул черное от гари лицо и сипло сказал:

— Товарищ лейтенант, нам шиздец!

— Не ссы, Бенкеч! Морская гвардия не тонет!

— Какая еще морская гвардия? Я пехота, и мне до дембеля два месяца...

— Наши! Наши! — раздался крик сержанта Шарыгина. По дороге на бешеной скорости мчалась боевая машина пехоты. Ее пушка была

повернута в сторону дувалов, разрывы снарядов разбивали глинобитные стены в щебень и пыль.

БМП поравнялась с Карицким, лежащим на грязном снегу, и остановилась. Малорослый, коротко остриженный офицер, едва высунувшись из люка, заплетающимся языком произнес:

— Чего лежите? Тащите трос и цепляйте.

Это был командир роты старший лейтенант Сергей Звягин.

Бенкеч в одно мгновение запрыгнул на БТР, вытащил трос и метнулся к боевой машине. Ротный что-то крикнул своему механику-водителю, и БМП с утробным рычанием потащила бронетранспортер из кювета. Солдаты помогли медсестре взобраться на броню...

Нестеров нырнул в люк. Девушка, растирая руками лицо, сидела на своем прежнем месте. «Ничего, — подумал Нестеров, — ты еще с восторгом будешь рассказывать своим подругам про этот день».

Вся колонна батальона стояла на обочине дороги рядом с большим кишлаком, раскинувшимся у подножия голых, отшлифованных ветрами гор. Нестеров спрыгнул на землю и пошел к БМП. Звягин сидел на броне и протирал ветшью автомат. Нестеров молча протянул ротному руку.

— Спасибо, выручил.

— «Спасибо» в стакан не нальешь, — ответил

Звягин. — Подойди к Воблину. Он хотел тебя видеть.

Начальник штаба стоял перед строем офицеров и что-то резко говорил Вартаняну. Увидев Нестерова, замолчал, но не изменился в лице.

— Цел, герой? Доложи, что с девушкой.

Нестеров хотел было ответить, но Воблин опять повернулся к строю.

— Ладно, потом!

Нестеров стащил с головы шлемофон, провел ладонью по влажным волосам, вынул из кармана измятую пачку сигарет и долго ковырялся в ней пальцами.

Наконец Воблин скомандовал «разойдись» и подошел к Нестерову. Обнял его одной рукой за плечи и повел вдоль колонны.

— Ну, расскажи, Нестеров, как там наша девчонка? Что с машиной?

— Вас что интересует в первую очередь — машина или девчонка? — вопросом на вопрос ответил Нестеров.

— Что с тобой? — Воблин отступил на шаг и, щурясь, взглянул на Нестерова. — Ты чем-то недоволен, лейтенант? Сознание затуманилось? «Духи» насмерть испугали, да?

— Не в этом дело. Я или выполняю боевую задачу, или обеспечиваю безопасность девушки. Делать одновременно и то и другое я не могу. Дайте команду, чтобы медсестру пересадили в другой бронетранспортер.

— А чем она тебе мешает?

— Она связывает меня по рукам и ногам. Вместо того чтобы нормально ответить на огонь противника, я беспокоился о том, чтобы ваша подопечная не промочила ноги и не поймала пулю.

— Ладно, хватит грубить, — охладил пыл лейтенанта Воблин. — Ничего, не развалишься. Медсестра остается в твоей машине. Надо уметь делать все, лейтенант. И воевать, и защищать. Ясно? Представь, что эта девушка — твоя сестра. Или... — Воблин мгновение подыскивал сравнение, — или твоя невеста.

— Хорошо, — кивнул Нестеров, прикуривая. — Уже представил. Разрешите идти?

Нестеров плелся к своей машине, безо всякого любопытства рассматривая кишлак и нависшие, казалось прямо над ним, скалы. Сновали у боевых машин мальчишки, грязные, в калошах на босую ногу, отрывисто выкрикивали слова, предлагали купить презервативы и чарс, кланчили у солдат сигареты. Степенные старики, сгорбившиеся и флегматичные, шаркали калошами, проходя мимо, останавливались напротив какой-нибудь машины, не поворачивая туловища, искоса рассматривали выцветшими глазами солдат и офицеров, одним ухом прислушивались к чужой речи и, заложив руки за спину, так же чинно и невозмутимо шли дальше.

Около бронетранспортера Нестерова окликнул голос:

— Закуривайте, товарищ лейтенант!

Шарыгин, сидя на броне, протягивал пачку сигарет.

— Накурился уже до одури, Шарыгин... Да ладно, давай твою отраву... Где эта немногословная красавица, мать ее за ногу...

— Ушла к начальнику штаба.

— А почему не спросила у меня разрешения? Ладно, скатертью дорога. Надеюсь, она больше не вернется, и мы сможем заниматься нормальной боевой работой.

— Это верно, — согласился Шарыгин, загоня шомпол в ствол автомата. — Зря мы в канаве валялись. Надо было бы посадить Толяна за пулемет, а самим рвануть вперед, закидывая дувалы гранатами.

— Ну да, надо было... Только и остается фантазировать, каких бы мы шиздюлей навесили «духам».

Нестеров курил, глубоко и часто затягиваясь, глядя, как солдаты меняют сахар на анашу. По обочине шел Ашот Вартанян, крепко прижимая к груди банки с тушенкой и отбиваясь от наседавших на него мальчишек. «Азер! Азер!» — кричали они вслед офицеру. Ашот оборачивался, хмурил брови, делал свирепое лицо и матерился. Пацаны смеялись, улюлюкали, показывали непристойные жесты.

Криво улыбаясь, Ашот подошел к Нестерову:

— Маленькие волчата! Хотели тушенку умыкнуть. Один, юркий такой, хватъ у меня из рук банку — и в толпу. Я за ним, а мне — подножку.

Еле устоял... Гляди-ка, кого наш ротный в-ведет...

Звягин быстро шел вдоль колонны, а за ним едва поспевал старый афганец.

— Нестеров! — крикнул издали Звягин. — Где Алимов? Пусть переведет. Этот душара хочет нам что-то сказать.

— Бабок он хочет, по роже видно, — пробормотал Нестеров.

Исмаил Алимов, таджик по национальности, понимал дари и вполне справлялся с обязанностями переводчика. Солдат подошел к афганцу и протянул ему руку:

— Салам алейкум!

Афганец ответил на приветствие и торопливо заговорил, прикладывая руку к сердцу:

— Меня зовут Махмед Саид. Я дехканин, живу недалеко отсюда, на краю рисового поля. Недавно у меня родился третий сын. Ребенок здоров, но его мать чувствует себя очень плохо. Врачей у нас нет. Денег тоже мало. Мы очень бедные, а жена вот-вот умрет. Может, среди вас есть врач?

— Где медсестра? — спросил Звягин у Нестерова.

— У Воблина спроси.

— Давай-ка, Саня, найди ее, еще трех солдат с собой, и сходите к афганцу... Если, конечно, это действительно недалеко.

— Приключений захотелось?

— Надо же изобразить сочувствие, блин го-

релый! — вспыхнул Звягин. — Мы тут все-таки оказываем помощь братскому афганскому народу!

Воблин и девушка сидели на земле рядом с командно-штабной машиной. Выслушав Нестерова, начальник штаба посмотрел на девушку и произнес:

— Заставлять не могу. Просить не хочу. Приказывать не имею права...

— Ладно, я схожу, — ответила медсестра, поднимаясь с земли.

— Только недолго, Нестеров, — предупредил Воблин. — Одна нога там — другая здесь. Даю вам от силы полчаса.

Махмед Саид быстро шел по кишлачной улочке. За ним — медсестра, Нестеров, Вартамян. Трое солдат во главе с Шарыгиным, оглядываясь по сторонам, замыкали маленькую группу.

Вскоре афганец вышел на маленькую площадь, в центре которой возвышался трехэтажный дом, обнесенный очень высокими дувалами. Поминутно оглядываясь, Махмед свернул влево и по узкой улочке повел в глубь кишлака. Наконец он отворил тяжелую, обитую железом дверь и жестом пригласил всех зайти во двор.

— А он не из бедных, — вслух подумал Ашот, заглядывая через проем двери. — Может, «духам» помогает, а они ему платят.

— Да скорее всего он сам и есть «дух», — вставил кто-то из солдат.

Двор был обжитым, уютным. У большой кучи соломы лежал теленок, чинно расхаживали куры, индюки. Двуколка с поднятыми, как стволы орудий, оглоблями была завалена мешками и дровами. Из двери дома вышла смуглая, пугливая девочка и юркнула в сторону.

— Моя старшая дочь, — сказал афганец.

Шарыгин и солдаты остались у входа во двор. Только Алимов вслед за офицерами и медсестрой зашел в дом.

В комнату вела дверь, утепленная войлоком. Когда Махмед распахнул ее и отодвинул в сторону занавеску, дохнуло тяжелым запахом жилья, несвежести, грязного белья, и офицеры, как по команде, схватились за носы.

Маленькая комнатуха была жарко натоплена. Левая часть была перегорожена шторой. В центре комнаты — «буржуйка», накаленная докрасна, изгиб трубы от нее уходил в отверстие в стене. У запотевшего окошка на матрасе, укутанный в одеяло, лежал крохотный ребенок. Не спал, смотрел невидящими глазами перед собой и едва шевелил губами.

Матрасы были разбросаны в каждом углу. Хозяин, войдя в комнату, снял калоши, босиком зашлепал к шторке, оттянул ее край и жестом пригласил медсестру зайти. Там была женская половина.

Медсестра вопросительно посмотрела на Нестерова.

— Да иди уж... — ответил Нестеров. — Если что случись, нам тут всем крышка.

Ашот легонько толкнул Нестерова локтем и едва заметно указал глазами куда-то в угол. Махмед на полсекунды опередил это движение Вартаняна, присел на матрасе и быстро смотал в рулон какой-то продолговатый предмет, похожий на ленту.

— Исмаил! — раздался из-за ширмы голос медсестры. — Скажи, что вялость и слабость у жены — вполне обычное явление... Воспалений нет.

Солдат синхронно перевел афганцу слова. Махмед, очень внимательно слушая, кивал головой, а девочка, сидящая около печки, смотрела на Алимова как на бога, широко раскрыв рот.

— Что ты мне хотел показать? — спросил Нестеров Ашота.

— Патронташ, — негромко ответил Вартанян.

Нестеров посмотрел на часы. Прошло уже двенадцать минут, как они оставили колонну.

Пока шел диалог между медсестрой, солдатом и Махмедом, Ашот без видимого любопытства стал расхаживать по тесной комнатухе, рассматривая предметы. Потом он взял с печурки маленький металлический чайник, налил бледно-желтой водички в пиалу, придирчиво осмотрел ее края, но все же переборол брезгливость и медленно выпил. Рукавом бушлата вытер усы и пробормотал:

— Умирал, пить хотел. Но боялся, что он предложит первым. Когда бабаи что-то предлагают мне, то всегда отказываюсь... Что-то, старик, тревожно мне на душе.

— Может, дать тебе водки? — спросил Нестеров и хлопнул по фляге, которая висела на его ремне... — Какого черта он так жарко топит? Я уже взмок.

Наконец девушка вышла из-за ширмы.

— Как в бане! — воскликнула она и расстегнула бушлат. — Исмаил, скажи ему, что у жены небольшое кровотечение, но все в пределах нормы. Волноваться не надо. Спроси, есть ли у матери молоко. — И присела у ребенка, раскутывая его.

Исмаил спрашивал, хватая себя за мнимую грудь.

— У окна дует, — сказала медсестра. — Скажи, топить надо слабее, а ребенка переложить к стене.

Солдат перевел.

— Ну, в чем дело? — выждав паузу, спросила медсестра. — Почему он не перекладывает? Тут жуткий сквозняк. Эй, папаша! Перетаскивайте матрас в другой угол!

Афганец закивал и вместе с тем заметно заволновался. Он подошел к младенцу и, неестественно улыбаясь, погладил его по голове. Кажется, он перестал понимать, что ему рекомендует медсестра.

Ашот схватил матрас за край и попытался от-

тащить в сторону, но афганец вдруг громко и то-ропливо заговорил, замахал руками.

— Он говорит, что замажет щели глиной, — перевел Алимов.

— Фиг с тобой, — согласился Ашот. — Мое дело предложить, его дело отказаться.

— У ребенка потница, Исмаил. Нужна присыпка... — говорила медсестра.

— Он спрашивает, не опасно ли? Беспокоит-ся очень.

— Скажи, что через две недели все пройдет. Только пусть он не заставляет ее работать. Полгода ей нельзя носить тяжести. Так и переведи. Пусть мать только ухаживает за ребенком.

— Да не о работе он спрашивает, — хмыкнул Ашот, снова взял чайник, но передумал и вернул его на место. — Его интересует, когда ему спать с ней можно будет... Красивая хоть?

— Как атомная бомба, — предположил Нестеров.

— У вас, мужиков, только одно на уме, — ответила медсестра.

Махмед низко поклонился Алимову и протянул медсестре замусоленную пачку розовых купюр. Девушка сделала вид, что не увидела денег, повернулась и пошла к выходу — она уже не могла дышать здесь.

— Не надо, дядя! — Вартанян похлопал афганца по плечу. — Убери свои вшивые бабки! Скоро мы вам построим коммунизм, и все деньги отменят. И все будет бесплатным... — И доба-

вил Алимову: — Исмаил, передай бойцам, если кому афгани нужны, пусть возьмут. Но только так, чтобы мы с Нестеровым этого не видели.

Афганец, все время кивая головой, низко кланялся. На обратном пути Ашот сказал Нестерову:

— На душмана он не очень похож, как ты думаешь?

— Да вылитый душара! Нервничал очень.

— Да, я тоже обратил внимание. Видел, как он быстро спрятал патронташ?.. А ты что скажешь, востоковед?

Алимов пожал плечами.

— Тупой он какой-то... Ребенок лежит у окна, но никто его не переложит к другой стене.

— Да просто переволновался, — сказала медсестра. — Такая орава военных к нему в дом зашла... — Она вдруг обернулась и с удивлением добавила: — Легок на помине... Смотрите, за нами бежит...

ГЛАВА 3

Афганец глубоко дышал и быстро переводил взгляд с Нестерова на Алимова. Наконец он взял под локоть солдата и потянул, предлагая отойти в сторону.

— Что-нибудь случилось, чувак? — насторожился Ашот.

Глядя на Нестерова, афганец прошептал:

— Я хочу сказать вам... Уезжайте отсюда, немедленно. Как можно быстрее!

— Алимов, спроси его, почему у него такие глаза круглые? — сказал Нестеров.

— Поверьте, — еще тише проговорил Махмед, — я не связан с моджахедами. Я хочу работать, у меня есть земля. Мне надо растить детей. Но они убьют их, если я перестану выполнять волю хозяина... Не спрашивайте, я не могу сказать вам всего. Если вы не уедете отсюда, то будет беда... Ради Аллаха, уезжайте!

— В кишлаке есть душманы? — спросил Нестеров.

Алимов перевел.

Афганец покрутил головой и почти выкрикнул:

— Нет, нет! Но клянусь детьми, что ни слова не солгал вам!

Он замолчал, оглянулся и почти шепотом добавил:

— Да простит меня Аллах... Я скажу вам. Они придут. Скоро. Здесь они хотят обустроить свои склады. Много складов с оружием, гранатами и минами...

Махмед замолчал и, ни слова не говоря больше, быстро пошел в обратную сторону.

— Ты правильно перевел? — спросил Ашот у Алимова.

— Клянусь Аллахом, — попытался сострить солдат. — Дословно.

СОДЕРЖАНИЕ

ОГЛЯНИСЬ. <i>Повесть</i>	5
МАНЯЩАЯ БЕЗДНА. <i>Повесть</i>	135
ПУЛЯ НА ЛАДОНИ. <i>Повесть</i>	231